
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА И ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ В РОССИИ XVIII–XIX ВВ.: ЦЕННОСТНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД*

В.В. Керов

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается современное состояние истории деловой культуры и предлагается новый подход к ее изучению. Исследовательская модель верифицируется на материалах старообрядчества. Анализ показал, что для представителей этого сообщества основу системы не только деловой, но и в целом хозяйственной культуры составляли такие черты, как самоценность и приоритет дела, активность в хозяйственной деятельности, признание необходимым сверхнормативного труда, личная ответственность за свое дело и пр.

Ключевые слова: Россия, старообрядцы, деловая культура, деловое поведение, духовные ценности, моральные институты, экономическая активность, избыточный труд.

В современном мире хозяйственная деятельность в еще большей степени, чем в прошлом человечества, представляет собой важнейший фактор не только социально-экономического развития, но и политической жизни общества. Огромное влияние на общественное развитие оказывают как результаты бизнеса, так и его методы, обуславливаемые в значительной степени соответствующей системой деловой культуры.

Бизнес-культура как система норм, ценностей и установок, реализующихся в повседневной хозяйственной жизни, обеспечивает, организует и регулирует экономическую практику общества.

Вопрос о возможности создания современного общества, благополучного в социально-политическом отношении, в условиях предпринимательства,

*Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект 08.01.00443а.

приносящего плоды лишь узкой деловой верхушке, имеет, очевидно, риторический характер. Российские предприниматели признают, что «успешная реализация стратегии развития России в экономике предполагает постоянное и целенаправленное совершенствование деловой культуры как решающего фактора цивилизованного развития рыночных отношений и принятие деловым сообществом ценностей информационного века» (1).

Предпринимательская культура в России при этом вполне адекватна общесоциальной ситуации. После десятилетий советской власти все достижения дореволюционной деловой культуры были утеряны. Декларируемые образцы западной этики бизнеса в современной России с трудом приживаются, отвергаясь большей частью отечественных предпринимателей, или подвергаются специфической трансформации.

Западная этика предпринимательства прошла длительное развитие, корни которой находятся в периоде позднего средневековья и раннего нового времени. Это продукт иного, чем в России, цивилизационного развития, и речь может идти лишь об адаптации его элементов к российским социокультурным традициям. Попытки механического перенесения важнейших компонентов зарубежной деловой культуры в иную цивилизационную среду, несмотря на «достижения» глобализации, практически несостоятельны. Прямое внедрение заимствованных образцов бизнес-этики даже законодательным путем не приводит к положительным результатам, что неоднократно демонстрировала российская история.

Не более продуктивны попытки изобрести «правильную» деловую культуру и внедрить ее в предпринимательские массы, тем самым обеспечив формирование национальной ДК. Сформированная в 1995–1997 г. в по заказу Торгово-промышленной палаты Российской Федерации Национальная программа «Российская деловая культура» (2) принесла мало результатов. И дело, к сожалению, не в том, что, как утверждают реаниматоры программы, не хватило «организационно-методической поддержки» (3).

Нормы и установки, реализующиеся при ведении дела, вряд ли могут стать реальностью в результате осуществления такой поддержки. Хозяйственная культура формируется под воздействием многих факторов. И одним из важнейших из них является распространенная в социуме система ценностей и институтов. Ее невозможно трансформировать в нужном направлении содействием «формированию и поддержанию позитивного имиджа российского бизнеса», координацией «усилий деловых и научных кругов, по выявлению, описанию, разработке, модернизации, продвижению и распространению стандартов деловой культуры», привлечением внимания общественности и пр. (4).

Для повышения эффективности подобных программ требуется, прежде всего, выявление и анализ механизмов формирования и эволюции конкретно-исторических систем отечественной и зарубежной деловой культуры. В программе ТПП 1997 г. «исторический» блок был обозначен, однако поставленные в нем задачи не были реализованы. Исследование истории рос-

сийской деловой культуры, в то же время, не получило развития и в академических кругах, не став самостоятельной научной задачей.

Чаще всего поиск «корней» аутентичной российской бизнес-культуры реализуется в представлении неких образцовых представителей делового мира старой России. В лучшем случае исторический образ превращается в абстракцию или внеисторический образец, неспособный стать предметом массового подражания. Критика «отсталой» деловой культуры предпринимателей XIX – начала XX в. с приведением примеров «купецкой ловкости» и других признаков традиционализма не более результативна и в не меньшей степени неадекватна исторической действительности.

В процессе развития истории предпринимательства, изучения менталитета российских предпринимателей, их вклада в отечественную культуру накоплен некоторый потенциал, однако в отечественной историографии история ДК связана лишь с исследованиями делового поведения отдельных предпринимателей и на отдельных предприятиях в рамках истории менеджмента и/или «истории фирмы» (5).

Впрочем, и в зарубежной истории предпринимательства изучение истории деловой культуры только начинается. Специалисты, в лучшем случае, ограничиваются анализом делового поведения. Это определяется главной парадигмой современной истории предпринимательства, связанной с задачами выявления источников и стратегий инновации и глобализации экономических систем на микро- и макроуровнях.

Но в последние годы в ведущем национальном секторе бизнес-истории – в США – ситуация стала меняться, и растущее внимание уделяется новым факторам, прежде всего «культурным компонентам делового поведения». Даже в исследовательском направлении, ориентированном на развитие концепции менеджериального капитализма А.Д. Чандлера, появилась тенденция учитывать «матрицу культурных ценностей», обеспечивавшую приверженность экономическим инновациям (6). То же происходит в истории предпринимательства Великобритании, Нидерландов и других стран (7).

За рубежом в результате появились уже пусть немногочисленные, но специальные исследования по истории предпринимательской культуры (8). Они показывают, что единого и однозначного понятия деловой культуры еще не сложилось. В ряде случаев используется термин «business culture», иногда «enterprise culture». Причем этот последний используется в различных смыслах – как «культура предпринимателей» как социальной общности и как «предпринимательская культура». Кроме того, категория enterprise culture часто обозначает не собственно деловую культуру, а некий преходящий дух предпринимательства, впрочем, структурированный (9).

В нашей литературе подобных работ еще нет. Исследовательская задача, имеющая острую общественную актуальность, осознана, но развитию этого направления препятствуют серьезные сложности. Прежде всего, сдерживающим фактором (как и на Западе) была проблема выявления статичности и

динамики типичного делового поведения и, соответственно, самой деловой культуры отечественных предпринимателей прошлого. Информация источников оказалась крайне противоречивой. В частности, современники отмечали многочисленные примеры как добродетельного ведения дела русским православным купечеством XIX в., так и совершенно безнравственного.

Однако в настоящее время сформированный ценностно-институциональный подход (10) позволяет не только выявить исторические нормы делового поведения, но и проанализировать деловую культуру конкретно-исторических предпринимательских сообществ.

Процедура (модель) такого подхода связана с использованием для анализа всей системы ценностей и институтов конкретного сообщества, а не только имеющих хозяйственную направленность.

В условиях неизбежного выявления противоречивой информации о нормах делового поведения членов сообщества определяется структура системы делового поведения (состав компонентов). Затем матрица структуры «накладывается» на общую ценностно-институциональную систему. Наличие или отсутствие тех или иных ценностей (или контрценностей) и социальных институтов (формальных и неформальных), лежащих в начале цепочки, ведущей к нравственным нормам, к установкам, а затем – к конкретным формам хозяйственного поведения, дает возможность с полным основанием оценивать эти формы как типичные, имевшие ограниченное распространение или уникальные. Наиболее сильные корреляции свидетельствуют о наиболее типичных элементах ДП.

Одновременно из общей ценностно-институциональной системы вычленяются элементы, непосредственно обуславливающие деловое поведение. Они представляют собой систему деловой культуры, а точнее, ее ценностно-нормативную подсистему (совокупность идеальных норм и правил бизнес-поведения в представлениях конкретно-исторического сообщества предпринимателей).

Таким способом решается проблема экстраполяции результатов анализа данных отдельных источников на макроуровень. Кроме того, в случае необходимости выявленные институты снимают кажущуюся противоречивость данных источника. Не менее важно, что характеристики (прежде всего структура – состав компонентов и способ их взаимной организации) выявленных ценностно-институциональных комплексов позволяют сформировать более точное и глубокое представление о деловой культуре. На следующем этапе выясняется корреляция эволюции ценностно-институциональной системы и, соответственно, трансформация ДП.

Не вызывает сомнения, что факторы деловой культуры имеют различный характер и, соответственно, в изучении деловой культуры применимы и другие подходы, в частности территориально-отраслевой (11), но по отношению к конфессиональным сообществам упомянутый подход продемонстрировал свою эффективность.

Более того, основной принцип корреляции ценностно-институциональной системы (ЦИС) конфессионального сообщества и деловой практики

предпринимательского страта данной группы предполагает универсальный характер такой связи. То есть ЦИС конкретного сообщества должна в значительной степени определять не только деловую, но и хозяйственную культуру в целом, нормативную для всех хозяйствующих групп. В этой связи верификацию исследовательской модели на материале конкретного конфессионального сообщества целесообразно проводить, используя данные не только о предпринимателях (например, купечестве), но и о других социальных слоях, прежде всего крестьянстве.

Для первичной верификации модели было использовано старообрядчество периода, когда это конфессиональное сообщество занимало важные позиции в хозяйственной системе России второй половины XVIII – XIX в. Важно и то, что, в отличие от современности, в ту эпоху социальные институты более тесно зависели от моральных предписаний и была низка степень аномии социальных систем – устойчивости базовых элементов культуры, этических норм и нравственных ориентиров к разрушению.

В результате анализа удалось сформировать представление о деловой культуре старообрядчества как о целостной непротиворечивой системе. Некоторые элементы ДК однозначно засвидетельствованы современниками, аргументированы непротиворечивым хозяйственным поведением, полностью соответствуют базовым ценностям и институтам и не вызывают сомнений.

Для старообрядцев основу системы ДК составляли самооценочность и приоритет дела и признание нравственно необходимым сверхнормативного труда.

Духовная концепция Дела как христианского подвига стала ядром конфессионально-этической основы хозяйствования старообрядцев и главным ценностным фактором деловой культуры староверов, во многом определявшим генезис других компонентов.

Один из первых учителей старой веры протопоп Аввакум постоянно подчеркивал, что «делать» – совершать христианский подвиг, активно подготавливать спасение бессмертной души – следует в этой жизни (12).

Норма реализации вероисповедного активизма в «благих делах» закрепились уже начале XVIII в. в старообрядческих общинах. Вслед за выговцами керженецкие поповцы прямо указывали, что все истинно верующие спасаются в своем «благоем деле» (13). Содержание «дела Христова» изменялось, оно уже включало не только духовные занятия, но и физический труд, и «купеческое дело».

В последующее время эта тенденция закрепилась и получила свое развитие в различных согласиях. Концепция Дела стала ядром всей этической системы старообрядчества. В ней соединились и получили свое завершение идеи душе-спасительного мирского «труда благого», полное оправдание собственности как инструмента спасения, конструктивный эсхатологизм, представления о личной ответственности за общее дело и веру, а также другие компоненты староверческой духовности. На завершающем этапе в конце XIX в. наибольший вклад внесли епископы поповцев Арсений Уральский и Михаил (Семенов).

«Никак нельзя отрицать спасение для всякого человека на всяком месте» – подчеркивал св. Арсений. Человек может спастись исполнением главных Христовых заповедей, из которых следуют все остальные: любовь к Богу и к ближнему. Исполнения заповедей реализуется в благочестии, исполняемого каждым «противу его состояния и обстоятельств, поелику возможно в лучшем направлении», – развивал Арсений традиционную мысль отцов церкви. Никто при этом не будет осужден «за то, на свершение чего он не имел силы и возможностей». Соответственно, у каждого есть свое душеспасительное дело «по его возможностям», в том числе для предпринимателя – милосердие. Для некоторых «истинно верующих» предпринимательское дело – это христианский подвиг, а у нищих и убогих другой путь – аскеза (14).

В наиболее концентрированном виде концепцию изложил еп. Михаил. Каждый истинно верующий, готовясь к спасению, возглашает: «Иду на труд Твой, Господи!» и начинает «сознательно подвижнический путь свой за Христом». Этот путь в своем «святом деле» – главное средство спасения. Пост и молитва – «великое дело», но «не спасут они нас, пока не оживут, а оживут они, когда рядом с исполнением наших заповедей согреем сердца святой работой... желанием положить лепту на дело Господне», – писал епископ Михаил. «Возможна ли для нас святость, – спрашивал он, – когда мы до такой степени опутаны тенетами жизни... Не только возможна, но и обязательна». «Для нас и школа святости, и первое ее проявление – служение Богу теми силами и на том месте, на котором мы стоим». «Школой святости» могло быть и предпринимательство. «Поле и торговля не тенета для души... каждая профессия может быть святым «постом», святым делом, нужно только спастись от тенет, отыскивая в каждом деле те его стороны, какими можно послужить Богу». Можно заниматься и успешным предпринимательством: «Иди каким угодно путем – тот и другой ведут к небу...». «Главное в деле спасения – “делать для Бога свое дело”» – такова квинтэссенция староверческой духовной концепции Дела (15).

Важной новацией явилось то, что «дело о Господе» могло быть мирским и не имеющим связи с профессиональной деятельностью.

Эта концепция получила свою реализацию в этической практике старообрядческих предпринимателей. Представления о Деле уже в процессе ее формирования в XVIII–XIX вв. проявлялась в представлениях старообрядцев, в том числе предпринимателей, и реализовывалась в их деловом поведении. Дело в среде старообрядческого купечества, как и в Западной Европе, стало самоценным. Отношение к нему проявлялось не только имплицитно в хозяйственных документах, но и прямо осознавалось и вербализовывалось в различных текстах, включая не только деловые письма и мемуары, но и конфиденциальные эпистолярные источники (16).

По воспоминаниям родственников, родоначальник семьи Рябушинских во второй четверти XIX в. «принадлежал к небольшому пока слою людей, для которых не власть, слава и деньги являлись целью жизни, а дело, кото-

рое они взялись вести». Девизом М.Я. Рябушинского были слова: «Все для дела – ничего для себя» (17).

В.П. Рябушинский вспоминал, что с детства ему и братьям «внушали: «дело»; тут было нечто большее, чем нажива. Это говорилось так, как потом солдатом я слышал: «Служба Его Величества». И на ней и чины, и ордена, и выгода, но не в них суть для человека с совестью...» (18).

В семье Вишняковых также «материальная выгода» противопоставлялись «привычке к делу» (19).

В целом в среде старообрядческого купечества сформировался культ дела. В.А. Кокорев называл его «пьедесталом», который каждый имеет в своем деле – «крестьянин... в своем честном труде, купец в правильной торговле, военный в защите отечества...» (20). Отношение к нему проявлялась не только имплицитно, в хозяйственных документах, но и прямо осознавалась и вербализовывалось в различных текстах, включая конфиденциальные.

Крупные предприниматели-староверы постоянно упоминали «дело» – в публицистике (как В.А. Кокорев, призывавший: «Разбирайте каждое дело по делу, отвергайте худое, одобряйте хорошее», «добиваясь “ясных и полезных начал”» (21)), деловой переписке (как Е.Ф. Гучков, сообщавший партнеру о своем желании «вести дела своего торгового дома более в точности и правильным образом» (22)), в личных письмах (как Т.С. Морозов, писавший Ф.В. Чижову, которого считал близким человеком, почти «духовником» (23), о своей необходимости трудиться ради самого Дела, «работать по возможности неуклонно», «чтобы дело... было в настоящей форме» (24)).

Именно свое дело оценивалось выше всего остального. Того же Т.С. Морозова, безразлично относившегося к другим наградам, желание получить признание успеха в деле заставляло с гордостью принимать медали за успехи на международных и всероссийских промышленных выставках 1867, 1870, 1873, 1875, 1878 гг., а затем право использования Государственного герба и орден Св. Анны 2-й степени «за особые труды по Всероссийской промышленно-художественной выставке» 1882 г. Отказавшись от чина действительного статского советника (IV класса, равного генерал-майору в армии), предложенного ему за постоянные пожертвования Московскому университету и другим учебным заведениям (25), Морозов с энтузиазмом принял почетное звание мануфактур-советника (формально приравненное к чину VIII класса), поскольку оно свидетельствовало о достижениях в главном – его Деле.

Одна из важнейших ценностей старой веры – Дело, в котором совместились душеспасительный христианский подвиг и предпринимательское занятие, во многом определила многие черты деловой культуры старообрядцев: активизацию усилий в профессиональном занятии, в том числе в хозяйственной деятельности; стремление улучшить и развить его; строгое соблюдение христианских нравственных норм и т.д.

Вторым важнейшим элементом ДК было обязательность использования личного активного и даже неумеренного труда. Такой труд являлся безус-

ловной конфессиональной ценностью. Душеспасительным делом признавался практически любой труд, исполняемый верующим на своем месте, в своей профессии, в том числе в предпринимательстве.

Исследователи пришли к выводу, что в формировании «духа современного капитализма» огромную роль сыграло складывание такого строя «мышления, который, хотя бы во время работы, исключал неизменный вопрос, как бы при максимуме удобств и минимуме напряжения сохранить свой обычный заработок... при котором труд становился абсолютной самоцелью, «призванием» (26).

Уже на ранних этапах, развивая традиционные христианские представления о труде «Бога ради» и распространяя иноческие нормы на мирян, староверие в духовной концепции «труда благого» осуществило слияние «телесного» и духовного труда. Более того, в выявленных посланиях, поучениях и напутствиях киновиархов Выга «трудникам» в комплекс был интегрирован и труд, связанный с организацией работ.

Крайне важным для судеб старой веры явилось то, что теперь такой труд воспринимался как «труд о Господе», душеспасительное «богородное служение». Руководители Выга убеждали единоверцев: «Не унываем в трудах, зане труды вечное блаженство подавают» (27). Важным элементом семантики труда на Выгу явилась его характеристика в «Истории» Ивана Филиппова и посланиях как христианского подвига (28).

Все виды труда превозносились лишь постольку, поскольку их результаты предназначались общине и общежителю «братства ради и сирот... потрудишася» (29).

Общее спасение было основано на труде на общее благо. Труд вне общежительства сохранял свое сакральное значение, лишь когда он производился «богородного ради сиротства». Многочисленные послания киновиархов членам общины, работавшим на стороне, содержат призывы «порадеть Господа ради», «Бога ради и господския ради милости» (30). Если же выговцы вынуждены были работать на стороне, но результаты их труда не предназначались общине, такая «нужная работа» оставалась суетным трудом.

Эти принципы развивались в трудовой этике староверия второй половины XVIII–XIX вв. Везде, в том числе и в регионах с более благоприятными климатическими условиями, староверы не столько воспринимали у выговцев новую этику труда, сколько вырабатывали ее, хотя история сохранила значительно меньше данных об этих процессах вне Выга.

В источниках, имевших характер духовно-нравственных назиданий и увещаний, сохранялась «трудовая» риторика. Труд, как и на Выгу, если он был трудом «о Господи», осознавался как важнейший путь к спасению. Старообрядческое руководство «для обучения юношества в делах веры» конца XVIII в., описывая «узкий путь к спасению», упоминало непреложность труда для достижения вечного блаженства (31). Многие духовные стихи формировали установки на упорный труд ради спасения (32).

Важно, что конфессионально-трудовые ценности и в XVIII, и в XIX в. не просто формулировались в произведениях старообрядческих авторов, но активно проповедовались и прививались старообрядческим «массам» с детства.

Действенным средством формирования установок было трудовое воспитание на промышленных предприятиях. На фабриках, принадлежавших старообрядцам, готовность и способность к интенсивному постоянному труду и дисциплина, вырабатывавшиеся в рамках производственного процесса, совмещались с проповедями и ложились на благодатную почву сознания старовера, ориентированного на постоянную, методическую прижизненную подготовку к спасению. Грамотные с малолетства, осознававшие спасительность труда, в том числе физического, старообрядцы глубже впитывали внедрявшиеся нормы и точнее воспроизводили институционализированные нравственные образцы. Усиленное повышенной религиозностью, в том числе более острым, чем у паствы синодальной церкви, эсхатологическим чувством, трудовое воспитание оказывалось более эффективным.

В результате старообрядцы, по данным источников, были привержены «неумеренному» труду, отличаясь, по многим свидетельствам, упорством в работе. Лаборально-этические доминанты старой веры, характерные для различных согласий и социальных слоев, оказались настолько стабильными и сильнодействующими, что сохранились в эксплицитном виде и у многих групп современных старообрядцев.

Еще одним важным элементом деловой культуры предпринимателей – ревнителей древнего благочестия являлось стремление к высокому качеству производимого и/или продаваемого товара (33).

Можно назвать и другие черты деловой культуры староверов. Однако сведения о реализации старообрядцами некоторых других очень важных форм делового поведения противоречивы.

Прежде всего, это честность в ведении дела. С одной стороны, современники, не только доброжелатели, но и враги старой веры, сходились во мнении о том, что старообрядческое предпринимательство характеризовалось повышенной честностью. Даже в эпоху усиления лаицизма и расширения зон секуляризации сознания в конце XIX – начале XX в. очевидцы свидетельствовали, что к предпринимателям-старообрядцам относились «с большим уважением как к деловым людям», они пользовались «большим доверием». Старообрядец, писал автор того времени из западных губерний, «не продаст гнилой товар за свежий по дорогой цене», но «раз назначив цену на товар, неохотно ее сбавляет...» (34). На востоке страны свидетели описывали торговлю «семейских» – староверов Забайкалья как исключительно честную: «Иные лукавые продавцы насыпают в мешок на дно и сверху хорошей муки, а середину наполняют плохой, также поступают с маслом, сбывают тухлые яйца, разведенное молоко и прочее; но семейский эти проделки считает за страшный грех!» (35).

Об этом же свидетельствуют примеры из практики крупных предпринимателей-старообрядцев. Так, в первой трети XIX в. основатель династии

Морозовых Савва Васильев первоначальный капитал составил при помощи высокой деловой нравственности. Современники и исследователи писали о том, что одним «из факторов его успеха была его репутация исключительной честности» (36), накоплению «служила опять таки честность Саввы, которому окрестные крестьяне сносили деньги на хранение, тем самым, давая средства для оборотов» (37). Позже само вхождение его сына Т.С. Морозова в правление общества Курской железной дороги обеспечило выдачу обществу Московским купеческим банком миллионного кредита «без обеспечения» как «прямо личный кредит правлению» (38).

В то же время многие авторы писали о деформациях деловой этики староверов, прежде всего проявлявшейся в допущении компромиссов с религиозной совестью в деловой сфере (39). По данным источников, в XVIII – первой половине XIX в. старообрядцы могли не платить фабричные налоги, подати «за билеты содержимых ими работников» фабрик, подделывать документы («отпускные», рекрутские квитанции, акты и пр.) и печати судов и других государственных органов и т.д.

Известны староверы, осужденные за «участие в делании фальшивой монеты» и «подделку и сбыт фальшивых кредитных билетов». Есть информация агентов полиции, внедренных в старообрядческую среду, о случаях подделывания староверами серебряных рублей (40). По свидетельствам современников, старообрядцами высоко ценились «правдивость со своими и ловкая хитрость с нераскольниками, особенно с чиновниками» (41), а также со священством синодальной церкви (42). Вообще староверы приобрели «большое искусство в нарушении и обходе законов» (43) и активно участвовали в коррупционистской деятельности (44).

Кажущееся противоречие снимается при использовании корреляций этой информации с матрицей конфессиональных ценностей. Нормативные документы староверов специально обращали внимание на важность предпринимательства «по совести». Противное могло привести старообрядческого хозяина на путь сребролюбия и лихоимства. «Горе лихоимцу яко богатство отбежит от него и огонь примет», – предупреждали старообрядческие сборники, – только «труды честных дел Богом никогда не могут быть забыты» (45).

Источники содержат конкретные нормы деловой практики ревнителей древнего благочестия. 23-е правило федосеевского собора 1751 г. подчеркивало: «Меры и весы, чтобы во христианах одни были, в которую купит, в ту же бы и продать и чтобы были правдивые». Нарушение этого установления оценивалось как очень серьезное прегрешение: «Аще ж кто сему будет непослушен, такового и отец духовный не может разрешить (отпустить грех. – В.К.)». «Сто статей московских поморского согласия» также предписывали строго наказывать «лихоимствующих» среди единоверцев (46).

Конечно, религиозная этика ни в одну историческую эпоху и ни в одном конкретно-историческом обществе не определяла поведенческую практику полностью и без исключений, являясь лишь ее доминантой. Но эта доминан-

та вызывала к жизни существенные и устойчивые тенденции в социальном праксисе. В данном случае тщание староверов в деле, наложенное на эсхатологическое чувство и элементы повседневного методизма, не могло сочетаться с массовыми нарушениями религиозной этики. Последние в конфессионально-этической оценке могли быть приравнены к кощунству, о чем и свидетельствует строгость церковного наказания за «правленные» весы и пр.

Вполне соответствовало честное деловое поведение концепции Дела. Для признания дела «святым» требовалось выполнение ряда условий. Прежде всего, для реализации Дела как христианского подвига – главной формы подготовки бессмертной души к спасению – необходимо было «честно, “по совести”, делать свое мирское дело». Служение Господу в деле, тем более связанное с опасностью обладания собственностью, обязательно должно было ограничиваться строгим соблюдением христианских нравственных норм.

Однако для государства и господствующей церкви, олицетворявших мир антихриста и его предтеч, делалось изъятие из социальной практики, обусловленной вышеуказанными нормами. Массированная коррупция в отношении органов власти и чиновников имела своей функцией спасение старообрядческих общин от преследований, обеспечение их существования. Готовность к воздаяниям чиновникам получило свое идейно-конфессиональное обоснование. Внутренняя коррупция строго осуждалась, запрещалось делать что-либо для своих («христиан») «за дары». Подношения «внешним» без повода также были запрещены в старой вере, другое дело – для спасения и сохранения старообрядческих общин (47).

Старообрядцы в данном случае не различали налоги и взятки, объединяя их в понятии «дань». Они объясняли, что «дань» можно давать и «нечестивым», но именно за сохранение веры: «за что даем дань – не за службу, не за веру их, но за обладание и за имущую им власть по попушению святого Бога. Дабы никто не имел на нас гнева, во еже до конца обидети: аще требует враг злата – дадите, аще ризу – дадите, аще почести – дадите, аще веру хошет отъяти – мужайтесь всячески. Мы в последнее время живем и потому всяку дань даем всякому просящему, дабы не предал враг на муку, или бы не заточил в незванное место...» (48).

Таким образом, староверы в обоих случаях применения норм (честность с партнерами и обман государства) точно соблюдали институциональные установки.

Также неочевидным выглядит стремление к инновациям как важнейший во всех предпринимательских сообществах элемент деловой культуры. Данные источников сообщают о многих случаях использования технико-технологических новинок. Одними из первых в стране в середине XVIII в. выговские общежитители начали «строение новоманерных судов» – галиотов (49). В конце XVIII – первой половине XIX в. староверы стали пионерами в заведении фабрик с импортными станками и новейшим оборудованием. Так, впервые в 1827 г. жаккардовые станы появились у московского старообрядца В.Е. Соколова, а затем у других предпринимателей из староверов (50). В 1838 г. на свечном и воскобелильном заводе прихожанина Ро-

гожской общины В.А. Сапелкина впервые в России была введена топка воска парами (51). Впереди были старообрядческие промышленники и в хлопчатобумажном деле, ввозя в 30-е гг. бельгийские и французские станки.

Сразу же после отмены британским парламентом запрета на вывоз промышленного оборудования в 1842 г. С.В. Морозов первым в России с помощью Л. Кнопа приступил к ввозу английских станков и паровых машин (52). Используя английских инженеров и мастеров, он устроил фабрики по ланкаширскому образцу.

Важно, что в значительной степени речь шла об инициативе Саввы Васильевича, знакомство с которым, по свидетельству современников, стало «поворотным пунктом» в жизни Кнопа. Через авторитетного в купеческих кругах Морозова Кноп установил связи со многими текстильными фабрикантами Центрального промышленного района, в большинстве своем также старообрядцами. За Морозовым потянулись Хлудовы, Малютины, Якунчиковы и др. (53). Предприниматели из тех же династий второго поколения внимательно следили за техническими новшествами уже непосредственно, специально для этого посещая Англию и Германию (54).

Одними из первых старообрядцы начали использовать в текстильной промышленности паровые машины. С. В. Морозов в 1840 г. первым в регионе поставил 16-сильный паровой двигатель на Никольской суконной фабрике (55). Вскоре на морозовских предприятиях как топливо для паровых машин впервые был использован торф (56). В Стародубском регионе дело обстояло таким же образом. В Клинцах, например, уже к середине XIX в. 7 из 22 старообрядческих текстильных фабрик действовали «парами» (57). Староверы первыми использовали на текстильных фабриках электричество: в 1883 г. Товарищество «Саввы Морозова сын и К^о» завершило строительство Городищенской фабрики с двумя турбинами (58).

Речь шла не просто о заимствованиях. На определенном этапе российские техники стали модернизировать импортное оборудование прямо на фабриках, снабжая английские и немецкие машины своими усовершенствованиями. Эта тенденция отчетливо проявилась и в уральской металлургии, где целые династии приказчиков-старообрядцев занимались развитием производства на заводах Демидовых, Осокиных и др. (59).

Знаменитый старообрядческий книжник и один из лидеров уральских староверов, руководивший Нижнетагильским старообрядческим центром на Верхне-Рудянской, Р.Ф. Набатов участвовал не только в управлении Колывано-Воскресенским, затем Иргинским, позже алтайскими заводами А. Демидова, заводами П. Осокина (60), но и активно занимался модернизацией производства, в том числе лично разрабатывал технические новшества. Так, именно с его именем связано изготовление на Иргинском заводе первого российского самовара. На рубеже 1740–1750-х гг. Набатов подал «представление» об усовершенствовании четырехциклового медной плавки. Его предложение ни в чем не уступало проекту А.Х. Молле, приглашенного Демидо-

вым из Саксонии (61). Староверы Е.А. и М.Е. Черепановы после посещения Англии и Швеции занимались усовершенствованиями на Нижнетагильском заводе, где они строили паровые машины, улучшали доменное и иные производства, а в 1833–1834 гг. создали первый в России паровоз (62).

Многие другие крупные хозяева, шедшие в авангарде развития российской промышленности, также были старообрядцами. Сторонником технического и организационного обновления являлся В.А. Кокорев – автор многочисленных новаторских проектов от строительства железных дорог (1858 г. – одно из первых в России акционерных железнодорожных обществ – Волго-Донское), пароходств (1858 г. – «Кавказ и Меркурий») до учреждения банков (1870 г. – Волжско-Камский банк) и торгово-промышленных компаний нового типа. Кокорев прежде американцев оценил значение нефтяных промыслов, построив (с помощью молодого Д.И. Менделеева) первый нефтеперегонный завод в Сурханах, впервые в мире (раньше, чем в Пенсильвании) применив непрерывную нефтеперегонку, нефтеналивную морскую перевозку, прокладку нефтепровода и пр. (63).

Новации активно применялись на заводах М.С. Кузнецова – лидера российского фарфорового дела, дававших $\frac{2}{3}$ продукции отрасли. Кузнецовские фабрики, по мнению исследователей, «обеспечивали и определяли технический прогресс в российской фарфоровой промышленности» (64).

Очень важно, что эта тенденция была характерна не только для предпринимателей. Даже в староверческом крестьянстве можно проследить тот же процесс. Так, по анкете 1909 г. 12,1% крестьян-старообрядцев Европейской России имели «почти все усовершенствованные орудия» (косилки, сеялки, жнейки, молотилки, конные или паровые веялки, механические сортировки и др.), а еще 29,3% пользовались лишь «некоторыми из сельскохозяйственных машин» (65). В то же время в самом обеспеченном аграрными орудиями регионе – Черноземье (66) в 1912–1913 гг. среди всех крестьян (подавляющее большинство которых составляла паства синодальной церкви) лишь 2–6% обладали теми или иными сельскохозяйственными машинами (67) (т.е. в 5 раз меньше, чем у староверов).

Организаторы анкетирования сделали выводы о том, что «среди старообрядцев замечается особая склонность к нововведениям и в сельском хозяйстве и что в этом отношении они часто являются передовым элементом нашей деревни». На вопрос о необходимости улучшений в сельском хозяйстве только 5,3% ответов – отрицательные.

При этом старообрядцами на всем протяжении их истории субъективно ставилась и до сих пор ставится задача «бегать новизны... если новизна непотребна, то старина священна» (68). «Не прелагаем пределы, иже отцы положиша» (69), – подчеркивал Аввакум и его соратники. Речь шла прежде всего о задаче избегать именно религиозной, «церковной» новизны – «уклоняться... скверных новизн слов... то есть – новых учений, дел, мнений противных старины и древности, в случае принятия которых, необходимо должна рушиться вера благодатных отцев» (70).

Однако в условиях, когда в развитие тенденции второй половины XVII в. в старообрядчестве произошла сакрализация повседневности, когда даже быт ревнителя древнего благочестия оказался включенным в вероисповедный контекст, запрет на «пагубное дело изобретать новизны, приводить в церковное исполнение что-либо новое» (71), был распространен на все стороны методически регламентированной жизни верного.

Особенно резко воспринимались «скверные новины», заимствованные Петром I и его последователями из западно-европейских культурных, бытовых и других, в том числе конфессиональных, традиций. Действительно, с самого начала и вплоть до XIX в. старообрядцев характеризовало полное неприятие иностранных обычаев в религиозном отношении и в бытовой сфере: от «немецкого образца одежды», «перчаток иноземных», «иноземных седел» до «ядения травы салата» и «игрищ» – клубов, театров, маскарадов (72).

В то же время старообрядческие источники не знают запретов на применение каких бы то ни было технических материалов, машин и оборудования в промышленном деле. Объяснение заключается в системе ценностей старообрядцев, где «работа о Господе» стояла на первом месте, а дело являлось частью христианского подвига. И успех этого дела в прядильном, бумаготкацком, суконном деле был невозможен без использования западных машин и приглашения, по крайней мере, на первых порах, мастеров из Англии, Эльзаса и Саксонии. И старообрядческие фабриканты, способствуя укреплению «истинного православия», активно вводили иностранную технику и технологию на своих предприятиях, а простые староверы-крестьяне, сохраняя традиционный быт, применяли новые орудия.

В целом можно назвать и другие существенные для бизнеса черты деловой культуры, требующие специального анализа, прежде всего нормы отношений с наемными работниками, подвергавшимися якобы суровой эксплуатации. Не изучена ролевая подсистема деловой культуры и ее влияние на деловое поведение (73). Однако в целом анализ показал, что первичная верификация исследовательской модели проведена успешно, а ценностно-институциональный подход к выявлению делового поведения и изучению деловой культуры позволит ускорить работу и сделать более эффективными усилия по развитию истории деловой культуры в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Национальная программа «Российская деловая программа». Версия 2010 г., проект // Торгово-промышленная палата РФ. – М., 2010. – С. 3.
- (2) Национальная программа «Российская деловая программа». – М., 1997.
- (3) Национальная программа «Российская деловая программа». Версия 2010 г... – С. 3.
- (4) Там же. – С. 4–5.
- (5) *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. – Л., 1991; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. – М., 1997; *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797–1917. – М., 2004; и др.

- (6) *Hausman W.J.* Business History in the United States at the End of the Twentieth Century // Business History around the World / Ed. by F. Amatori, J. Jones. – Cambridge, 2003. – P. 98.
- (7) *Jones J., Stuyterman K.E.* British and Dutch Business History // Business History around the World. – P. 144; etc.
- (8) *Casson M.K.* Economics of Business Culture: Game Theory. Transaction Costs and Economic Performance. – Oxford, 1991; *Cowen T.* In Praise of Commercial Culture. – Cambridge, 1998; *Godley A.* Jewish Immigrant Entrepreneurship in New York and London 1880–1914: Enterprise and Culture. – Basingstoke, 2001; et al.
- (9) Напр.: «Предпринимательская культура, как считается, существовала в дни, когда Британия была «мастерской мира» и обладала индустриальной гегемонией, которая подошла к концу в 1880-е. Такая культура состояла из доминантных ценностей и институтов, побуждавших и стимулировавших стремление торгового или промышленного предприятия к прибыли» (*Thompson F.M.L.* Gentrification and the Enterprise Culture. Britain 1780–1980. – N.Y., 2001. – P. 75).
- (10) См.: *Керов В.В.* Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ в России XVIII–XIX вв. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2008. – № 3. – С. 51–64.
- (11) См.: *Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Шильникова И.В.* Деловая культура российских предпринимателей в их отношениях с рабочими (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2008. – № 4. – С. 72–92; *Бородкин Л.И., Шильникова И.В.* О факторах региональных различий в деловой этике российских предпринимателей конца XIX – начала XX в. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2009. – № 4. – С. 85–96.
- (12) Житие Аввакума написанное им самим и другие его сочинения. – М., 1987. – С. 31, 105 и др.
- (13) Ответы Александра Диакона (на Керженце) поданыя Нижегородскому епископу Питириму в 1719 году. – М., 1906. – С. [208].
- (14) *Арсений Уральский*, еп. Оправдание Старообрядствующей Христовой Церкви... – М., 1999. – С. 63–65, 249.
- (15) См.: *Михаил (Семенов)*, еп. Избранные статьи. – М., 1998. – С. 19–21, 22–24, 78–80, 89 и др.
- (16) ОПИ ГИМ. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 526. – Л. 113; ОР РГБ. – Ф. 322. – Оп. 41. – Д. 13. – Л. 23; *Кокорев В.* Обличительное дело. – СПб., 1859. – С. 4 (третья пагинация).
- (17) Торговое и промышленное дело Рябушинских. – М., 1913. – С. 12, 30.
- (18) *Рябушинский В.П.* Купечество московское // Старообрядчество и русское религиозное чувство. – М.; Иерусалим, 1994. – С. 140.
- (19) *Вишняков Н.П.* Сведения о купеческом роде Вишняковых. – М., 1909. – Ч. 2. – С. 71.
- (20) *Кокорев В.* Обличительное дело. – С. 4 (третья пагинация).
- (21) Там же. – С. 20 (третья пагинация).
- (22) ОПИ ГИМ. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 526. – Л. 113.
- (23) См.: ОР РГБ. – Ф. 322. – Оп. 41. – Д. 16. – Л. 22.
- (24) Там же. – Д. 13. – Л. 23.
- (25) Когда попечитель Московского учебного округа предложил присвоить Морозову высокий чин, Тимофей Саввич в ответ на формальный запрос об уже имеющихся наградах отписался: «...в настоящее время за отсутствием свободного времени и неимением под руками необходимых бумаг я не могу дать точные сведения... если буду располагать свободным временем после праздника Пасхи и отыщу необходимые бумаги, то не замедлю дать вышеозначенные сведения». Власти правильно поняли Морозова и доложили наверх, что кандидат сведения «дать отказался». (См.: *Боханов А.Н.* Коллекционеры и меценаты в России. – М., 1989. – С. 82–83).

- (26) Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произв. – М., 1990. – С. 82.
- (27) Послание братии, посланным на морские промыслы // ОР РГБ. Собр. Барсова. – Д. 365. – Л. 79 об., 80.
- (28) Денисов С. Слово о пользе трудоподвизания // ОР РГБ. Собр. Барсова. – Д. 365. – Л. 59; Послание братии, посланным на морские промыслы. – Л. 77, 79 об; Послание поучение Никите Филимонову с прочими трудниками... // ОР РГБ. Собр. Егорова. – Д. 425. – Л. 170 и др.; Выговское послание трудникам в Чаженгский скит // БАН. Собр. Каликина. – Д. 186. – Л. 110–111 об.
- (29) Филиппов И. История Выговской старообрядческой пустыни. – СПб., 1863. – С. 89.
- (30) См.: ОР РГБ. – Собр. Барсова. – Д. 365. – Л. 77–79 об.; БАН. – Собр. Каликина. – Д. 186. – Л. 110–111 об. См. также: «Послание благоревностным люборачительным и трудоподвизательным тщателям в Асийских частях на Воскресенских заводах подвизающимся», «Общебратское соборное завещание пребывающим на пристанищах для торговых случаев и в работниках от господ», «Предел братии на промыслах морских летозимно пребывающих на Груманте и Новой Земли», «Предел общежительного совещания братии пребывающие на Печерском промысле» и др. // Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. Перечень списков, составленных по печатным описаниям рукописных собраний. – СПб., 1912. – С. 107–108, 142, 143 и др.; Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. – М., 2002. – Т. 1. – С. 273.
- (31) Руководство для обучения юношества в делах веры // Сборник для истории старообрядства / Сост. Н.И. Попов. – М., 1966. – Т. 2. – С. 221.
- (32) Подробнее см.: Керов В.В. «Труд благой Бога ради»: трудовая этика раннего староверия // Известия Смоленского государственного университета. – 2009. – Т. 1 (5). – С. 157–165.
- (33) «...Чтобы работали хорошую доброту»: Стремление к высокому качеству продукции как элемент деловой культуры старообрядческого предпринимательства. Урал индустриальный: Бакунинские чтения: Мат-лы IX Всеросс. науч. конф. – Екатеринбург, 2009. – Т. 1. – С. 27–34.
- (34) Цит. по: Кириенко В.В. Влияние старообрядчества на формирование менталитета восточных белорусов // Старообрядчество как историко-культурный феномен. – Гомель, 1992. – С. 111.
- (35) Замула И.Ю. Из истории семейских Верхнеудинска в XIX – начале XX в. // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2001. – С. 178.
- (36) Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. – М., 1993. – С. 41.
- (37) Шишмарев Д.И. Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. – СПб., 1892. – С. 29.
- (38) ОР РГБ. – Ф. 322. – Оп. 41. – Д. 13. – Л. 20.
- (39) Ермишина С.А., Наумова Г.Р. Православный менталитет русского делового человека // Буржуазия и рабочие во второй половине XIX – начале XX века. – Иваново, 1994. – С. 27; и др.
- (40) Дневные дозорные записи о московских раскольниках. Сообщено А.А. Титовым. – М., 1885. – С. 46, 48, 52, 61, 80, 92, 119 и др.; Синицын И.И. Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. – Л., 1982. – Вып. 4. – С. 177; Попов К. Раскол и его путеводители. – М., 1901. – С. 120.
- (41) Мельников П.И. Очерки поповщины // Мельников П.И. Полн. собр. соч. – СПб.; М., 1980. – Т. 13. – С. 368.

- (42) *Власов А.Н.* Известные материалы по истории старообрядчества на Севере // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи. – Улан-Удэ, 2001. – С. 61.
- (43) *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. – 1934. – № 7–8. – С. 75.
- (44) Подробнее см.: *Керов В.В.* «Время купли наступает...»: Медиативные функции коррупции в отношениях старообрядчества и власти в России XVIII – первой половины XIX в. // Вестник РУДН. Сер. «История России». – 2004. – № 3. – С. 7–17.
- (45) ОР РГБ. – Ф. 734. – Д. 116. – Л. 198; *Брянцев М.В.* Культура русского купечества (воспитание и образование). – Брянск, 1999. – С. 89.
- (46) *Иоаннов А.*, прот. Полное историческое извещение... о древних стригольниках и новых раскольниках, собранное из потаенных со преданий, записок и писем. – СПб., 1855. – Ч. II. – С. 44–45; Сто статей московских поморского согласия (книга для наставников) // Сборник правительственных сведений о раскольниках. – Вып. 4. – С. 210.
- (47) См.: *Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии». – С. 137; Тюменская статья // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. – Новосибирск, 1999. – С. 460.
- (48) Нечто вроде апологии Федосеевской против Филиппонов, обвиняющих Федосеев в страсти к торговле и деньгам... // Сборник правительственных сведений о раскольниках. – Вып. 4. – С. 232–233. См. также: Сто статей московских поморского согласия. – С. 206; *Синицын И.И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии». – С. 161–162; Послания Варсонофия Иванова // Духовная литература... – С. 404; Соборное уложение Ирюмского собора 29 мая 1723 г. // Там же. – С. 333.
- (49) См.: *Мошина Т.А.* Из истории судостроения и морских промыслов в Выговском старообрядческом общежителстве // Старообрядчество: история, современность, тезисы. – М., 1997; Дополнения к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения эпохи феодализма. – Новосибирск, 1989. – С. 238; *Филиппов И.* История Выговской старообрядческой пустыни. – СПб., 1863. – С. 140.
- (50) См.: *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище. – С. 75.
- (51) См.: *Стадников А.В.* Московское старообрядчество и государственная конфессиональная политика XIX – начала XX в. – С. 139.
- (52) Некоторые исследователи даже высказывают мнение о том, что именно инициатива Морозова и посредничество Кнопа в сочетании с лобби английских фабрикантов текстильного оборудования способствовали принятию парламентом билля 1842 г.
- (53) См.: *Шульце-Геверниц Г.* Крупное производство в России. – М., 1899. – С. 34–36.
- (54) См.: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. – М., 1997. – С. 13; ОПИ ГИМ. – Ф. 122. – Оп. 1. – Д. 507. – Л. 151а; Д. 515. – Л. 140а; 526. – Л. 62–67, 95 и др.
- (55) См.: *Лаверычев В.Я., Соловьева А.М.* Боевой почин российского пролетариата. – М., 1985. – С. 16–17.
- (56) См.: *Шиммарев Д.И.* Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. – СПб, 1892. – С. 35.
- (57) См.: *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XIX. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. – Казань, 1859. – С. 295.
- (58) См.: *Поткина И.В.* Предпринимательская стратегия Товарищества Никольской мануфактуры // Доклады Вторых Морозовских чтений. – Ногинск, 1996. – С. 146.
- (59) См.: *Павловский Н.Г.* Демидовы и старообрядчество в XVIII в. // Старый Невьянский завод. – Екатеринбург, 2002. – С. 145–171; *Запарий В.В.* Черная металлургия Урала XVIII–XX вв. – Екатеринбург, 2001.

- (60) См.: *Покровский Н.Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. – Новосибирск, 1974. – С. 73–74, 99; *Павленко П.И.* История металлургии в России XVIII в. – М., 1962. – С. 496–497.
- (61) См.: *Корепанов Н.С.* Уральские старообрядцы и европейские горные специалисты в XVIII в.: проблемы взаимодействия // *Старообрядчество: история, культура, современность: Материалы.* – М., 2002. – С. 261.
- (62) См.: *Виргинский В.С.* Черепановы. – М., 1957.
- (63) См.: *Гавлин М.Л.* Экономический славянофил // *Кокорев В.А.* Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 года. – М., 2002. – С. 310–313; *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1890). – М., 1960. – С. 295–296.
- (64) *Смирнов И.П.* Вклад старообрядцев в развитие искусства фарфора в России // *Старообрядчество: история, культура, современность. Материалы.* – М., 2002. – С. 264–270.
- (65) Сельскохозяйственный и экономический быт старообрядцев (по данным анкеты 1909 г.). – С. 97. Анкетирование охватывало 367 основных и 819 окрестных (1186) старообрядческих селений – ок. 100 тыс. дворов в сравнении с данными ГУЗИЗа и земской статистикой.
- (66) Здесь на крестьянское хозяйство приходилось в 7 раз больше сельскохозяйственных машин и металлических плугов, чем в Северном Черноземье, и в 21 раз больше, чем в Нечерноземье.
- (67) Подсчитано по: *Анфимов В.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны (1914 г. – февраль 1917 г.). – М., 1962. – С. 208–209.
- (68) Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества. – Л. 34–34 об.
- (69) Житие Аввакума и другие его сочинения, написанное им самим. – С. 202.
- (70) Историко-каноническое обозрение старообрядческого общества. – Л. 34–34 об.
- (71) Там же. – Л. 38.
- (72) См.: *Мельников П.И.* Очерки поповщины. – Т. 14. – С. 48–49.
- (73) Совокупность профессиональных требований, знания, умения и навыки, необходимые для ведения дела.

ECONOMIC CULTURE AND ECONOMIC BEHAVIOUR OF RUSSIAN OLD BELIEVERS IN 18–19TH CENTURIES: VALUE AND INSTITUTIONAL APPROACH

V.V. Kerov

Department of Russian History
Russian University of Peoples' Friendship
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article clarifies a modern state of business culture history. The new approach to studying this aspect is offered in the article. The research model is verified on the Old Belief community material. The analysis has demonstrated that the fundamentals of Old Believers economic culture were formed with such traits as self-importance and priority of deed, economic activity, recognition of excessive work as necessary, personal responsibility for somebody's own business, etc. The system of spiritual values and moral institutions conditioned formally contradictory forms of business behaviour too.

Key words: Russia, Old Believers, business culture, business behaviour, spiritual values, moral institutions, economic activity, excessive work.